

ГОГОЛЕВСКИЙ «НОС» И ГОГОЛЕВСКАЯ ПАРАДИГМА

Употребление понятия «парадигма» в методологическом контексте применительно к гуманитарной сфере, а тем более к литературному произведению, может показаться странным. Ведь с легкой руки Т. Куна под парадигмой в методологии науки понимается «...одно или несколько научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности», причем достижения должны быть «беспрецедентными, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований», а, кроме того, быть «достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых в их рамках могли найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [7, с. 28]. Несмотря на неопределенность понятия парадигмы, о чем свидетельствует более тридцати его значений, обнаруженных исследователями в работах Т. Куна, оно довольно четко фиксирует набор убеждений, ценностей, методов и средств, принятых научным сообществом.

Т. Кун придал понятию парадигмы четко выраженный методологический характер, и оно используется преимущественно в методологической литературе, причем посвященной в большей степени естествознанию. Однако, даже в физике парадигма – это не только методы, но и определенная картина мира, философские установки, мировоззренческие ценностные ориентиры и т. д. Уже это дает основания использовать понятие парадигмы в других сферах деятельности. Понятие парадигма может применяться и в гуманитарных науках, и даже за пределами науки, например, в теологии. Скажем, томистская идея гармонии веры и разума и формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» могут рассматриваться как две противоположные парадигмы. Понятие парадигмы может использоваться применительно к любой сфере деятельности, в том числе культурной, литературной, литературоведческой. Целью настоящей статьи является демонстрация возможности применения понятия «парадигма» к гоголевской системе идей и оценок, реализованных в повести «Нос». Употребление понятия «парадигма» в таком контексте актуализируется потребностью преодолеть метафоричность терминологии, рационализировать ту духовную реальность, которая выступает в полурациональном, поэтическом виде вроде «духа эпохи», «духа времени», «культурного или литературного климата», «воздуха, где витают эпохальные идеи» и т. д. Введение в данный контекст понятия парадигмы позволит рассматривать последнее не только как концепт, дающий лучшее понимание, но и как феномен объективной и интересубъективной социокультурной реальности.

В гуманитарной сфере понятие парадигмы существовало и до Т. Куна.

Например, в языкознании под лингвистической парадигмой понимали совокупность форм одного слова. Но Кун придал термину «парадигма» общесциентистский характер. Именно благодаря Куну он оказался настолько удачным, что получил широкое применение не только в научной, но и в учебной, публицистической и даже художественной литературе, особенно с середины 70-х годов XX века и, прежде всего, в тех случаях, когда соответствующий текст претендовал на научность или хотя бы на профессиональную адекватность. Это понятие в различных вариациях используется в лингвистике, где языковой парадигмой считается система смыслов, обнаруживаемая в языковых единицах [2; 11], в литературоведении, где парадигмой выступает структура художественного языка в конкретную эпоху, а «парадигмальные тексты» выполняют функцию культурной целостности [12], в искусствоведении как культурная или стилевая парадигма, подразумевающая синхронное единство культуры или единый стиль в искусстве, которые определяют различные стороны социокультурной жизни [1], в истории и политологии как совокупность смысложизненных ориентиров в конкретную историческую эпоху [8], а в исторических исследованиях как набор философских подходов, ориентирующих историка [5].

Очевидно, что термин «парадигма» здесь употребляется как минимум в двух смыслах. Во-первых – как объективно существующая интересубъективная система образцов, идеалов и норм, направляющая деятельность социальных и профессиональных групп и индивидов. Ее иногда называют культурной парадигмой. Во-вторых – как субъективная система образцов, идеалов и норм, определяющая индивидуальное исследовательское или художественное творчество. Она может как совпадать, так и не совпадать с интересубъективной. В этом смысле культурные парадигмы определяют поведение людей, например, их бытовое приспособление к факту существования чинов и их приобретению, а также соответствующие оценки, например, почитание мундиров, чинов, государственных должностей и наград. В реальной жизни эти культурные парадигмы обычно не анализируются, не осмысливаются. Соответственно их нравственная оценка не составляет до поры, до времени проблемы, как и их описание в литературе.

Если рассмотреть российскую действительность XVIII–XIX вв., то отношение к чинам в реальной жизни было вполне положительным. Культурная парадигма направляла приспособительную деятельность людей к вводимым государством чинам, должностям, табелям о рангах с их колоссальными карьерными, материальными и другими возможностями. В этом контексте стремление к чинам было нормальным явлением и не подвергалось моральному осуждению. Поэтому Пушкин без всякого осуждения описывает в «Капитанской дочке» устами Петра Гринева становление офицера, обычное для того времени, но совершенно

фантастическое для современного человека: «Матушка была еще мною брюхата, как я уже был записан в Семеновский полк сержантом... Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук» [10, с. 232].

Погоня за чинами и должностями перестала одобряться лишь позже, уже новым поколением высоконравственных европейски образованных людей, носителями новой культурной парадигмы, да и то при крайне омерзительном проявлении чиновничества. Такой контекст встречаем в комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Фамусов и Чацкий как представители разных поколений, точнее культурных сообществ как носителей разных парадигм по-разному оценивают поступок фамусовского дядюшки. Тот нечаянно оступился и упал, больно ударившись затылком, во время торжественного приема во дворце, чем вызвал «высочайшую» улыбку, после чего упал уже специально два раза подряд, чем весьма потешил «государыню Екатерину». Вельможа попал в фавору и занял высокий и доходный пост. Фамусов одобряет это шутовство: «А? Как по вашему? По нашему смышлен!» [4, с. 32]. Чацкий его осуждает, но лишь в весьма общей форме:

«Но между тем, кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?»

причем с оговорками, что не имеет в виду дядюшку, уважаемого Максима Петровича [4, с. 32–33]. Иными словами, Грибоедов не видел большой социальной опасности и острого нравственного трагизма чиновничества и чиновничества. Поэтому здесь у него поставлены другие проблемы, в частности, проблема борьбы старого и нового, конфликта поколений, и особенно стремления к почестям помимо заслуг. Молчалин осуждается скорее именно за такое стремление «и награжденья брать и весело пожить» [4, с. 67], чем за чиновничество, которое легко может сойти за вежливость. К тому же новая культурная парадигма не столь революционна как научная или литературно-исследовательская, но ее индивидуальное осмысление, выраженное в субъективной системе идеалов и норм, может носить иной характер. Поэтому Фамусов, испугавшись даже небольшой новизны, назвал Чацкого революционером, «карбонари» [4, с. 33].

Совершенно иной контекст мы встречаем в гоголевской повести «Нос». Причем, в ней речь не идет об аморальных поступках в погоне за чинами. Исключение составляет лишь намек самого автора, точнее повествователя, нарратора: «Ковалев был кавказский коллежский асессор» [3, с. 242]. Современникам было известно, что приобретение этого чина на Кавказе в то время существенно упрощалось благодаря продажности местных властей. Но это было как бы в другой жизни, а в пространстве самого

повествования, живя в Петербурге, майор Ковалев не совершает ничего предосудительного. Более того, он даже вызывает сочувствие, когда пропaja носа доставляет ему столько хлопот и особенно тогда, когда его собственный нос, облеченный в мундир статского советника, то есть генерала, что несколькими рангами выше коллежского асессора, то есть майора, холодно-вежливо и высокомерно разговаривает с Ковалевым. Шуточная ситуация, в которой нос имеет лицо, бежит по лестнице, ходит сгорбившись, носит генеральский мундир, шитый золотом, набожно молится в соборе, ездит с визитами [3, с. 243–245], кажется фантастической не персонажам повести, а лишь читателю, да и то повествователь в конце прозрачно намекает ему, что это шутка [3, с. 261–262]. Но второй план повествования, бытовой, повседневный настолько пропитан особым бюрократическим духом, где господствует чиновничество и чиновничество, что не вызывает никакого удивления робкое, подчеркнуто вежливое, обращение Ковалева к носу, одетому в генеральский мундир [3, с. 244]. Бытовая правда извращенных бюрократических отношений в чиновничьем мире, многим казавшихся нормой, вытесняет фантастичность ситуации с отдельно живущим носом. Гоголь демонстрирует, что нелепость чиновничества и чиновничества, и вообще нелепость норм чиновничьего мира не менее нелепа, чем самостоятельно действующий нос. В этом Гоголь усматривает социальную трагедию и большую нравственную проблему, хотя таких слов не употребляет, а художественными средствами, в частности, переплетением повседневного и фантастического миров, акцентами на унижительность ситуаций, представленных как естественные, вызывает соответствующие чувства у читателя и направляя его к соответствующей рефлексии.

Параллелизм бытового и фантастического пространств, как отмечали исследователи [6, с. 282–284] повсеместно присутствует в прозе Гоголя, а в повести «Нос» особенно. «Нос сразу входит в два типа пространства – бытовое, которое в этой оппозиционной паре воспринимается как реальное, и другое – мнимое, фиктивное, в котором и все предметы становятся фиктивными, ибо наделяются заведомо несовместимыми свойствами» [6, с. 283]. Этот пространственный параллелизм, как и параллелизм естественности и униженности, уважения к чину и чиновничества выступает в «Носе» той гоголевской исследовательской и творческой парадигмой, которая позволяет ему создать нравственную проблему чиновничества и чиновничества. Факт чиновничества и чиновничества был известен до Гоголя. Проблемой он стал благодаря ему. В этом суть любой новой исследовательской парадигмы, как естественнонаучной, так и гуманитарной, несмотря на их существенные различия: новая парадигма позволяет поставить новые проблемы, создав тем самым новую исследовательскую реальность. Гуманитарная исследовательская парадигма позволяет подвергнуть

рефлексии обыденное, придать ему иной смысл, проблематизировать ситуацию, без чего невозможно ее изменение к лучшему.

Не всегда современники, даже талантливые и прозорливые, в состоянии оценить подобную проблемность. Например, А. С. Пушкин не видел серьезности и трагичности нравственной проблемы, поставленной в «Носе». Для него эта повесть была веселой, остроумной шуткой. Именно так он и писал в примечаниях по поводу публикации «Носа» в «Современнике». «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикой удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [3, с. 376–377].

Благодаря указанной проблеме гоголевский текст «Носа» стал парадигмальным текстом, элементом новой интерсубъективной культурно-литературной парадигмы, выполняющей особую функцию: не нравственно-очищающую, возвышающую как в «Шинели», а нравственно-высмеивающую, язвительную, изъязвляющую. Не потому ли многие писатели могли бы сказать, что они вышли из гоголевской «Шинели», но кто бы сказал, что вышел из гоголевского «Носа»?

Тем не менее, гоголевская парадигма создала особую реальность чиновничьего мира со специфическими социально-сословными и общечеловеческими нравственными проблемами, увидеть, рационализировать, отрефлексировать которые можно было только сквозь эту парадигму. Специфическую реальность чиновничьего мира продолжали исследовать другие писатели, например, А. П. Чехов. Чехову уже можно было не изощряться с изобретением особых фантастических пространств, чтобы соединить персонажи с реальностью, поскольку существовала гоголевская парадигма и его парадигмальные тексты вроде «Носа», сотворившие особый мир чиновников, их отношений, поступков, их специфического языка и мыслей. Существенно, что при всей продажности чиновничьей братии, когда даже нос мог приобрести генеральский мундир, этот мир не беспределен, он имеет границы: паспорт, к примеру, подделать уже непросто. Поэтому нос был схвачен, когда попытался уехать из столицы по чужому паспорту. Полицейский чиновник, возвращая нос майору Ковалеву, выпрашивает, чтобы не сказать вымогает, взятку за свое усердие. А ведь мог бы за гораздо большую взятку отпустить нос в Ригу. Но нет, всему есть предел. Он «берет по чину». Везде должен быть порядок, иррационального хаоса не должно быть даже в нелепом мире. В том-то и трагедия, что нелепый мир по-своему рационален, упорядочен, а значит жизнеспособен. Поэтому и изменить его чрезвычайно трудно.

Чехову, чтобы показать низость нравственных отношений в борьбе за чины и должности или унижительность чиновничества и безнравственность чиновничества, достаточно было просто войти в

созданный гоголевской парадигмой «чиновничий дискурс», например в рассказах «Альбом», «Смерть чиновника», «Толстый и тонкий» и особенно в рассказе «Торжество победителя» с характерным подзаголовком: «Рассказ отставного коллежского регистратора». Каких только унижений не терпели в этом мире чиновники от своих руководителей ради сохранения или получения даже ничтожной должности. У себя на званном обеде начальник мог дать самые нелепые приказания, и надо было исполнять, угождать:

«Козулин ткнул пальцем в сторону папаша.

– Бегай вокруг стола и пой петушком!

Папаша мой улыбнулся, приятно покраснел и засеменил вокруг стола.

Я за ним.

– Ку-ку-реку! – заголосили мы оба и побежали быстрее.

Я бегал и думал: «Быть мне помощником письмоводителя!» [13, с. 20].

Чеховский реализм состоит не в том, что описанное произошло в действительности или могло произойти, а в том, что он вводил читателя в уже созданный Гоголем и ставший интерсубъективным мир нравственных проблем, от решения которых во многом зависела судьба человечества.

Гоголевская парадигма, представленная в повести «Нос», позволила поставить и другие исследовательские проблемы перед литературой. Примером является особый аспект гендерной проблемы, в частности подкаблучное состояние мужа, которого по всем законам должна была бы «убояться жена». Это важный аспект гоголевской реальности: без такой подкаблучности с носом произошла бы совсем другая история, ибо именно супруга властно выдворила цирюльника из дому вместе с майорским носом.

Тема верховенства жены над мужем в российской действительности, вопреки Домострою, православной этике и юридическим нормам, не нова в русской литературе. В «Евгении Онегине» А. С. Пушкин не без иронии, но с научной точностью фиксирует господство жены в семье:

«Она меж делом и досугом

Открыла тайну, как супругом

Самодержавно управлять,

И все тогда пошло на статью.

Она езжала по работам,

Солила на зиму грибы,

Вела расходы, брила лбы,

Ходила в баню по субботам,

Служанок била осердясь –

Все это мужа не спросясь...

Но муж любил ее сердечно.

В ее затеи не входил,

Во всем ей веровал беспечно,

А сам в халате ел и пил;

Покойно жизнь его катилась...» [9, с. 220–221].

Аналогичен в этом отношении образ Василисы Егоровны Мироновой, жены коменданта Белогорской крепости из «Капитанской дочки», которая фактически являлась и главой семьи, и комендантом крепости. «Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком» [10, с. 251]. А мужчины, напротив, беспечны как Ларин из «Евгения Онегина» или капитан Миронов из «Капитанской дочки», действуют не рационально, а спонтанно, чисто по-женски, даже властный отец Гринева, когда неожиданно для всех посылает сына служить.

«Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

– Да вот, пошел семнадцатый годок...

«Добро,– прервал батюшка,– пора его в службу» [10, с. 234].

У Пушкина женское верховенство имеет светлый, спокойный, гармоничный характер, хотя и несколько смешно. В гоголевском тексте верховенство жены над мужем, как существенная примета российской действительности, не очень смешно, дисгармонично. Оно таит скрытую угрозу творчеству и свободе выбора, к чему тайно тяготеет пропойца цирюльник, «ибо Прасковья Осиповна очень не любила таких прихотей» [3, с. 238]. Впрочем, женщины в «Носе», как и полиция, являются олицетворением порядка: и властная Прасковья Осиповна, и рациональная Александра Григорьевна Подточина. Но подобный порядок также неестествен и нелеп, как и чиновничьи отношения.

Носителем парадигмы всегда является некоторое сообщество: ученых, литераторов и т. д., разделяющих соответствующие идеи. Но вначале парадигма возникает как детище индивида, создавшего основополагающий, парадигмальный научный или литературный текст. Появление такого текста имеет не только социокультурные причины, выражающие объективно назревшие потребности, но и чисто личностно-биографические основания. Общеизвестны выводы биографов о том, что особенности математического образования Эйнштейна способствовали созданию теории относительности, маленький рост Наполеона или Франко способствовал их военной карьере и т. д. В этой связи возникает вопрос: связана ли повесть Гоголя «Нос» с немалыми размерами его собственного носа, повлиял ли этот фактор на становление парадигмального гоголевского текста? Действительно, можно было бы описать пропажу, например, глаза, языка или рта и обыграть недремлющее око охранного отделения и полиции, царскую цензуру, необходимость иносказаний, эзоповского языка, умение не видеть очевидное, замалчивать пороки и т. п. Однако, ясно, что столь явные политические ассоциации были небезопасны, да и не был Гоголь революционером. Возможно, нос выбран вследствие большей нейтральности и в то же время

центрального расположения на лице и, соответственно, в повести. Тогда социальные пороки как бы уходят на периферию, на второй план, который предназначается для особого, вдумчивого читателя. Воображение последнего только и может воспроизвести этот особый фантастический, нелепый и такой реальный, вполне узнаваемый мир. Хотя биография Гоголя изучена весьма детально, ее новые, в том числе психологические, реконструкции, например, рациональных и иррациональных аспектов его замысла, могли бы оказаться продуктивными.

В качестве вывода отметим, что понятие «парадигма» применительно к интерпретации гоголевской повести «Нос» помогает увидеть новые аспекты ее содержания и культурного влияния как парадигмального текста, определившего совокупность новых проблем, вставших перед литературой. В частности, реальность нелепого мира чиновничества была не столько обнаружена и отображена писателем, сколько создана им с помощью особой гоголевской парадигмы, позволившей в обычных людях, естественных обстоятельствах, привычных отношениях увидеть нелепость, бесчеловечность, нравственную деградацию.

1. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе.– М.: Политиздат, 1991.
2. Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии.– М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1994.
3. Гоголь Н. В. Проза. Статьи.– М.: Сов. Россия, 1977.
4. Грибоедов А. С. Горе от ума.– М.: Детская литература, 1967.
5. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии.– М., 1988.– № 1.
6. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь.– М.: Просвещение, 1988.
7. Кун Т. Структура научных революций.– М.: Прогресс, 1977.
8. Неретина С. С. Смена исторических парадигм в СССР. 20–30-е годы // Наука и власть.– М.: Политиздат, 1990.
9. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Соч. В 3-х тт.– Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; драматические произведения.– М.: Худож. лит., 1986.
10. Пушкин А. С. Капитанская дочка // Соч. В 3-х тт.– Т. 3. Проза.– М.: Худож. лит., 1987.
11. Руденко Д. И. Лингвофилософские парадигмы: границы языка и границы культуры // Философия языка: в границах и вне границ.– Харьков: Око, 1993.
12. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино.– М.: Наука, 1977.
13. Чехов А. Рассказы.– Псков: Псковское областное газетно-книжное изд-во, 1949.